

Елена Попова

Кандидатская для посудомойки

16+

Елена Попова

Кандидатская для посудомойки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Попова Е.

Кандидатская для посудомойки / Е. Попова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Отвергнутая Помидорица, взбешенная Смерть, inferнальный таксист, влюбленный Дождь вместе с самыми обыкновенными людьми встретятся вам на страницах этого сборника. С их переживаниями, радостями, страхами, победами, разочарованиями и рецептами счастья. За ними интересно следить, им хочется сопереживать. Они будоражат воображение желанием встать на их место и решить: а как бы поступил ты...

ДРУЗЬЯ

Лиза варила Катёне кашу, как обычно погрузившись глубоко в себя. Топот и грохот на крыльце совсем не сразу вернули ее к реальности. Недовольно поморщившись, готовая четвертовать любого, посмеявшегося нарушить ее полуденную медитацию, Лиза едва успела сделать шаг к двери, как ее почти снесли назад к плите два буйно гомонящих мужика.

Вадимыч, друг семьи, и ее собственный муж Герман, перемигивались, подхикивали, толкались локтями, топтались на месте и явно не знали, с чего начать.

– Тише вы, полоумные, Катёну разбудите, – сердито начала Лиза.

Мужики переглянулись, сделали вид, что умолкли, и, настороженно поглядывая на Лизу, вытащили откуда-то из-за спин клубок меха.

Клубок открыл глаза и смачно зевнул.

– Ты понимаешь, – торопливо затараторил Герман, – Вадимыч договорился с блатным питомником. Они занимаются только кавказцами. Специально выращивают их для охраны. Только элитное разведение. И нам, вот, по благу почти бесплатно...

Герман поставил клубок на пол и боязливо спрятался за тщедушного Вадимыча.

У Лизы никогда не было собак. Ни в детстве, ни в юности, ни в начавшейся неправильно рано взрослой жизни. А когда у тебя чего-то никогда нет, ты этого не очень и хочешь. Переехав в загородный дом Германа, где собаки были естественным атрибутом сельской жизни, Лиза быстро нашла общий язык с Джеком, старым угрюмым двортерьером, днем сидевшим на цепи, а ночью наводившим ужас на бродячих псов округи. Она кормила его, меланхолично чесала за ухом, угощала косточками и даже иногда украдкой подпаивала молоком из кошачьей миски. Но лизино сердце не ёкало. Так. Просто очередные обязанности. Ей было равнодушно и даже иногда страшно, когда Джек рычал и бросался на чужаков.

Лиза снова вернулась к катёниной каше и, демонстративно стуча ложкой, глухо буркнула:

– Вот зачем тебе второй пес, Гера? Тем более кавказец. Они агрессивны. Их надо воспитывать, водить на площадку. Кто этим будет заниматься? Ты что ли? Я – точно нет. И вообще. Он вырастет и нас всех сожрет.

Герман, продолжая прятаться за превратившимся в соляной столб Вадимычем, уверенно парировал:

– Джек старый. Дому нужна охрана. Нормально все будет. Сделаем вольер на улице с сеткой. Кинолога для воспитания сюда пригласим.

– Нет, увози его туда, откуда брали. Эта порода не для нас. Угробим собаку и сами угробимся.

Лиза хотела сказать что-то еще, но тут меховой клубок, который явно был против, чтобы его возили туда-сюда, обернулся вокруг голой лизиной ноги и принялся тщательно ее вылизывать.

Герман с Вадимычем приободрились и, едва дыша, следили за лизиной реакцией.

– Что вы стоите, как две египетские мумии, – проворчала Лиза, – тащите миску, не видите, пёс есть хочет.

Потом она присела, очень аккуратно подхватила щенка на руки и заглянула ему в глаза.

Так появился в этом доме Пёс.

Огромный длинношерстный кавказец, навсегда запертый в вольере, лежал не шевелясь, угрюмо уткнув морду в лапы, и вспоминал.

Вот он совсем маленький, уютно сопит под боком у Большой Хозяйки. Ему жарко, но он знает, что она обижается, когда он уходит на прохладную плитку под входной дверью. Поэтому терпит. Терпит, пока хватает его небольших щенячьих сил. Терпит не потому, что ее руки трижды в день трут морковку и кормят вкусным мясом вперемежку с морковкой и чем-то еще, а потому, что что-то такое есть в ее глазах.

Маленькая Хозяйка вечно путает его с большим снежком: катает по сугробам, закапывает в снег и весело хохочет, когда он, отряхиваясь, ее саму превращает в живого снеговика. Ее нельзя кусать, ронять и шлепать лапами, как он привык, играя с Джеком. Маленькая Хозяйка сразу начинает плакать. Если это заметит Хозяин, он будет недоволен.

Еще нельзя сбивать с ног Старую Хозяйку. Даже заигравшись с осенними листьями или хозяйским котом. Здесь одним недовольством не обойтись. Можно и по носу схлопотать газеткой, а это стыдно.

Кстати, о Джеке. Он очень нервничает, если влезть всеми лапами в его миску. Хватает за загривок и трясет, как боксерскую грушу. Больно! Только скулить нельзя. Иначе тут же прибежит Большая Хозяйка, будет ругать Джека, обниматься-целоваться! Фу, стыдно!

Или вот. Любимая игра Хозяина и Большой Хозяйки. Разойдутся в разные стороны и давай на все лады: Пёс, а Пёс? Иди сюда! Ты чей? Какое это ж удовольствие лечь посередине между ними, ни к кому не ходить и наблюдать, как они из-за тебя переругиваются, хохочут и присваивают себе право обладания.

Прошел один Большой Снег и Джек, совсем старый, стал приходить домой, в клочья порванный бродячими собаками. Нет, он не жалуется. Не просит помощи. Бережно укладывает остатки себя на подстилку и смотрит, смотрит куда-то за радугу большими глазами.

Однажды мы идём вместе к этой наглой, опьяневшей от вкуса скорой расправы, своре. Она встречает нас улюлюканьем и насмешливыми взглядами, в которых растет презрение к старику, прячущемуся под хвостом щенка. Один против семи. Потом против девяти. До дрожи в лапах и кровавой пелены в глазах. До порванной шкуры и зияющих ран. Насмерть. Без жалости и пощады.

Еще один Большой Снег сошёл. Большая Хозяйка больше не смеется. Хозяин часто уходит за ворота и подолгу не возвращается.

Тем страшным вечером Хозяин приказал охранять территорию и ушел в дом. В тишине внезапно опустившегося вечера хлопнула калитка. Кто-то вошёл на участок. Чужой? Свои бы подали голос. Запах, запах чужой. Хозяин дал команду охранять. Остановить любой ценой. Клыки впиваются в руку. Эта рука обнимала его маленького, ворошила густую шерсть, ласково щелкала по носу, давала еду и покой. Но вкус человеческой крови уже стегнул по инстинктам. Выше, еще выше, добраться до горла...

Лиза тихонечко присела на край больничной койки и осторожно взяла мужа за руку.

– Гера, пожалуйста, давай вернём Пса в питомник. Ты почти не бываешь дома. Пожалей животное. Он сидит взаперти. Кидается на сетку, как оглашенный. У меня все опускается, когда я прохожу мимо. Я боюсь, Гера. Я всё время боюсь.

– Лиза, мы сто раз это обсуждали. Нет, и еще раз нет. Друзей не отдают. Не предают и не возвращают за ненадобностью.

– Не предают? – Лиза повысила голос. – Да ты давно его предал. В тот самый день, когда позволил ему безнаказанно рвать меня на куски.

Герман попытался было что-то сказать, но заведенная до предела Лиза взглядом заставила его замолчать.

– Да, я знаю. Я сама виновата. У кавказцев плохое зрение. От меня пахло шампанским. Я его не окликнула, не подала голос. Он меня просто не узнал в начале. А потом, ты помнишь эту его жуткую запущенную рану под ошейником? Это, наверное, когда он дрался с собаками за Джека. Как, как мы ее не заметили? Представляешь, как ему было больно, когда я пыталась оттащить его от себя за ошейник? И что? Что ты сделал? Просто отозвал его? У них переходный возраст в полтора-два года. Они пытаются доминировать. Его надо было отлупить как следует, наказать. Поднять за шкуру в конце-концов, как делают суки с провинившимися щенками. А ты? Просто отозвал? Ты понимаешь, что навсегда сломал его жизнь?

Герман молчал. Лиза, которая с разной степенью периодичности заводила этот разговор, обреченно выдохнула и вышла из комнаты.

Шли недели. Лиза по-прежнему моталась между больницами. И каждый день, возвращаясь домой первым делом настороженно проверяла Пса. Не выломал ли он дверь вольера, не ходит ли по участку, поджидая ее.

Каждый день, обливаясь холодным потом и жалостью, Лиза мыла вольер Пса из шланга, просовывала на веревках и палках казанки с кашей, завлекала Пса разговорами и косточками, чтобы чуть-чуть приоткрыть дверь и вытащить пустую посуду и отчаянно ждала редких выходных, когда Германа отпускали домой и Пес мог хоть немного почувствовать волю.

Лиза больше не уговаривала мужа вернуть Пса в питомник. Просто что-то в ней все время сжималось и умирало от мысли, что скоро, совсем скоро им придется уехать в город и в доме останутся только восьмидесятилетняя бабушка и Пёс.

Когда это «скоро» пришло, у Германа как раз вышел длительный перерыв между госпитализациями. Лиза с легким сердцем обустроивала городскую квартиру и катёнины будни

в новой школе, уверенная, что Псу сейчас хорошо и спокойно подле Хозяина, а у Хозяина есть силы на долгие прогулки по лесу в компании Пса.

Все понимали, что со дня на день может раздаться звонок из больницы и Герману снова нужно будет возвращаться к бесконечным процедурам. Но ни Лиза, ни Герман не хотели нарушать хрупкое равновесие и искренне верили в его бесконечность.

Иван Родионович, лечащий врач Германа, разбудил Лизу телефонным звонком ранним утром понедельника.

- Елизавета Сергеевна, мы ждём вашего супруга у нас не позднее среды.
- Среды, как среды? Мы же с вами обсуждали начало следующего месяца.
- Елизавета Сергеевна, пришли анализы. Ситуация нестабильна. Мы ждём вас в среду.

Лиза долго не могла заставить себя позвонить мужу. И когда, наконец. Она это сделала. Первое, что она сказала, было:

– Гера, прости, но у нас нет другого выхода. Я звоню Вадимычу, пусть он договаривается с питомником, чтобы они забрали Пса. Ты в среду ложишься в больницу. Мы должны. Правда, должны.

Муж молчал.

- Гера, я звоню Вадимычу?
- Звони, – каким-то чужим голосом ответил Герман и положил трубку.

Вадимычу пришлось нажать на все мыслимые и немыслимые кнопки, воспользоваться своим далеко не последним в районе служебным положением, прежде чем он уговорил сотрудников питомника забрать собаку. Агрессивного, взрослого кобеля с поломанной психикой.

Лиза отлично всё это понимала. И в тот день, когда за Псом должны были приехать, не находила себе места, боясь, что не приедут, не заберут, не справятся, да мало ли еще таких «не». Она ходила по квартире, бесцельно перекладывала вещи с места на место, несколько раз пробовала сварить кофе, разбила катёнину любимую чашку и все время смотрела на часы.

И все-таки, когда в пятнадцать минут третьего зазвонил телефон, она вздрогнула от неожиданности и долго не могла взять трубку.

- Лиза, мы не успели, – прошелестел Вадимыч.
- Что? Что не успели?
- Мы опоздали на десять минут. Всё. Пса больше нет. Он его... сам...

Только спустя час Лиза смогла набрать номер мужа

- Гера, зачем?
- Друзей не предают, Лиза!

МЕДУЗА ГОРГОНА

– Мам, а ты герой? – Мотька увлеченно прокладывал ложкой путь кораблям в океане горохового супа, ловко лавируя между скалами из гренок.

– Несомненно! Тот, кто ежедневно занимается побудкой младенцев и доставкой их в школу, – самый геройский герой на свете, – Вита, не поворачиваясь, грохотала сковородками на плите.

– А я герой?

– Будешь, если домучаешь суп и наведешь, наконец, порядок в своем свинарнике.

– А папа герой?

– О, дааа! Одно перечисление его подвигов потянет на увесистый роман.

– Мотя, что случилось? – спросила заботливая мать, энергично размахивая ножом.

Матвей Сергеич, двадцать пять килограмм ее чистой радости и полкило веснушек довеском, с недавних пор ученик третьего класса, сосредоточенно украшал гренки горошинками.

– Так грустно, мам, так грустно! Никакой цели в жизни.

Вита метко метнула нож в мойку, обтерла руки о передник и, прихватив кружку с кофе, выжидательно уселась напротив сына.

– Понимаешь, мы сегодня на литре миф о Персее обсуждали. И Васька, – Вита изобразила непонимание, – ну, этот наш клон Терминатора, сказал, что ерундовый подвиг, он бы и сам легко справился. А он бы не справился, мам, понимаешь, не справился. Тетку чисто физически он, может, и смог бы замочить. – Женщину, – машинально поправила Вита. – Ну, женщину. Какая разница. А додуматься в щит посмотреть или головой медузы дракона окаменеть, – точно нет. Куда ему, мозга ноль.

Вита чуть было не хихикнула, услышав свое любимое выражение, но сдержалась и даже попыталась быть педагогичной.

– Моть, не надо ярлыки вешать, это некрасиво.

– А невесту у меня уводить красиво? Все планы теперь насмарку.

Вита уткнулась носом в свой кофе, выдерживая паузу.

«Господи, как реагировать-то? Невеста! Какая еще невеста? Грустно ему, цели у него нет. Расстроен, взбудоражен. Что ж за невеста такая? И при чем тут героини? Стоп! Не та ли Ленка с каналом на ю-тубе по готовке, которая фанатка Арианы Гранде? Вечно ходит в драных джинсах и мечтает стать балериной? Точно! Мотя говорил у них планы: уехать в кругосветное путешествие и изменить мир».

Кофе закончился.

– Мотюнюшка, если невеста уходит к другому, ну, ты знаешь...

– Мам, ты не понимаешь. Она думает, Васька – герой. А он просто сказал, что он герой. Но он же не герой никакой.

– Вот ты сам себе и ответил. Чтобы быть героем, надо что-то сделать, просто сказать мало.

– Мам, помнишь, мы читали с тобой про Романа Ковалева?

– Мальчик, который вытащил соседку из горящего дома, а потом побежал туда еще раз за ее документами?

– Да. Я все время об этом думаю. Я бы, наверное, не пошел в горящий дом. Я бы не смог. Я бы испугался. И еще случай был: про девочек. Они детей спасли из полыньи зимой. Я не знаю, смог бы я так же. Это Дипперу из мультика просто всех спасать, не в мультике сложнее.

– Постой, что у тебя всё какое-то черно-белое словно на войне? Никто не знает, как поведет себя в экстремальной ситуации. Лучше, чтобы их вообще не было. На самом деле очень многое вот такое, требующее героев-спасателей, случается из-за нашей собственной глупости, эгоизма или в погоне за сомнительными приключениями. Знаешь же, сколько гибнет из-за этих дурацких селфи в опасных местах.

– Ты хочешь сказать, что Ковалев не герой?

– Герой. Еще какой герой. Только лучше бы все соблюдали правила пожарной безопасности, а если уж, не дай бог, пожар случился, людей спасали бы пожарные, а не маленькие мальчики. У них работа такая героическая. И они умеют спасать правильно.

Вот смотри, – Вита пересела поближе к сыну и слегка приобняла его, – гонщики твоей любимой Формулы. Они кто? Спортсмены. А вот Ники Лауду я, пожалуй, назвала бы героем.

– Это который вернулся к гонкам через 42 дня после серьезной аварии и в третий раз стал чемпионом мира?

– Да. Про него же вот недавно фильм сняли с Джеймсом Хантом. Как ты думаешь, ему было страшно снова сесть за руль и выехать на трек? Еще как страшно. И он ведь справился, победил свою личную Медузу Горгону и снова стал лучшим.

Герой, Моть, – это не всегда Бэтмэн-спасатель. Это тот, кто проявляет мужество каждый день и считает невозможным поступить иначе. Преодолевает себя, обстоятельства, свои страхи. И не смотря ни на что потихонечку, маленькими шажочками, движется к своей цели.

Все, мой друг, беги делать уроки. Мне надо закончить с обедом. Вечером подумаем, как невесту возвращать будем.

Вита чмокнула сына в рыжую макушку и вытолкала его из кухни.

Потом ее закрутили какие-то дела, вернуться к разговору не получилось. А когда она вечером после занятий вернулась домой, Мотя уже спал. На кухонном столе она нашла выдран- ный из блокнота лист, где мотиным птичьим почерком было написано:

Список подвигов героя: 1. Подарить Ленке цветы!

ВСЯ ЖИЗНЬ НАД АСФАЛЬТОМ

– Девки, любимые, простите засранку, – дикий вопль первым вошел в кафе. За ним ввер- нулась брюнетка с такими формами, что все окрестные мужики посворачивали шеи, сопрово- ждая ее взглядами, пока она пробиралась к самому дальнему диванчику у окна.

– Китти, одень уже рубище или паранджу. Нельзя так с братьями нашими меньшими. Посмотри, добры молодцы слюнями исходят, – приветствовала брюнетку грузноватая, но уди- вительно миловидная русая блондинка.

– Я тоже люблю тебя, Муха, и ты тоже очень красивая, – парировала Китти, обнимаясь с третьей участницей девчачьих посиделок, рыжеволосой особой, одетой непонятно в какого возраста джинсы и необъятных размеров размахайку.

Когда все ахи-вздохи закончились, алкоголь и закуски заказались, Китти с Мухой вопро- сительно уставились на рыжую.

– Давай, Татоша, не томи. Чего вызвала в неурочный час? – первой не выдержала Муха.

Татоша не торопилась с ответом. Она долго разминала сигарету в неожиданно длинных и тонких пальцах, переворачивала вверх дном сумку в поисках зажигалки, роняла по очереди вилки, ложки, салфетки на пол, явно не зная, с чего начать и как приступить к разговору.

– Татоша, я свинтила с совещания, чтобы наблюдать тут твои предклимактерические страдания? – за дело взялась Китти. – Тебя домогаются студенты? Сынок привел беременную барышню в дом и сказал, что она теперь тут будет жить? Наш муж хочет выращивать в теплицах на участке авокадо? Что? Рассказывай уже.

Татоша прыснула. Поперхнулась дымом, закашлялась и сдавленно просипела:

– Ну тебя, Катька, ничего святого в тебе нет.

Она помолчала секунду другую, снова зажгла сигарету и начала издали:

– Девочки! Сколько лет мы друг друга знаем?

– Ой, ну что ты о больном, Татка, – мрачно вздохнула Муха.

– Не перебивайте меня, а то я до самого морковкиного заговенья до главного не доберусь, – осадила ее Татоша.

– Так вот, – продолжила она сумрачно. – Мы друг друга знаем двадцать лет. С того самого дня, как переступили порог Альма Матер. Мы все друг о друге знаем.

Китти чихнула.

– Вот видишь, истину глаголю, – продолжила Татоша. – Вы знаете, как, почему и, главное, зачем, я попала в свой дурацкий институт, как мне в нем тошно и чем я всегда хотела заниматься.

Муха украдкой посмотрела на часы. Со стороны казалось, что основополагающие тезисы татошиного монолога давным давно набили оскомину обеим дамам и слушали они ее только из вежливости.

– Все, все. Перехожу к сути. Хватит тут дыры во мне глазами прожигать, – Татоша нервничала все сильнее. – Так вот. Я подала заявку на участие в литературном конкурсе.

Китти с Мухой обреченно закатили глаза.

– Послушайте же, дуры вы стоеросовые! Там все будет решать Илья Задворский. Ну, этот, владелец холдинга «Три шмеля» и главред самого популярного в России глянца о путешествиях. Если я победу, побегу, в общем, выиграю, я смогу занять одну из внезапно освободившихся в журнале вакансий.

Татоша выдохнула, залпом допила свое шампанское и просительно уставилась на подруг.

Муха хлопала ресницами в полной протрации, а Китти жалобно поинтересовалась:

– Мне пойти к зданию редакции и попытаться склонить господина Задворского к умопомрачительному сексу?

– Девочки, соберитесь уже, – Татоша внезапно стала очень сосредоточенной и напористой. – Вы были самыми талантливыми на курсе.

Муха с Китти одновременно подавились жульеном, но вступать в диалог не решились.

– Помогите мне с конкурсной темой. Ну, пожалуйста. Меня заклинило. Я не могу ничего из себя выдать.

– Подожди! Подожди слезы жать. Что за тема-то? – перебила ее Муха.

– Тема? – Татоша полезла в телефон. – Сейчас. Момент. Я даже повторить ее без судорог и шпаргалки не могу. Вот! «Вся жизнь над асфальтом». Ну, что это? Мне кроме крыс, которые из мрачного подземелья рвутся в заасфальтье за сыром или цветочков, изо всех сил пробивающихся к солнцу через вот это самое, ничего в голову не лезет.

– Мда, креативен зело господин владелец холдинга, – задумчиво протянула Китти.

Они с Мухой попереглядывались пару минут, сочувственно поглазели на Татошу, которая от избытка чувств затеяла свою любимую игру – подтяни рукав безразмерной размахайки, повозились в своих тарелках и, когда Татоша окончательно запуталась в своих рукавах и эмоциях, Китти взяла слово.

– Татошенька, дорогая моя! Начну с того, что самой талантливой на курсе у нас была ты. И почему ты делаешь со своей жизнью то, что ты с ней делаешь, нам не понять. Но как мы есть твои наидревнейшие и налюбимейшие подруги, мы, кажется, готовы бросить на некоторое время своих детей, мужей, начальников, обязанности и прочие неотложности и наваять тебе пару шедевров.

Тут Китти пресекла татошины попытки встрять с благодарностями и продолжила.

– Когда дедлайн? Через две недели? Отлично! В следующую пятницу у нас день традиционных посиделок. Мы с Мухой напишем тебе по тексту. Как раз при встрече все обсудим и отредактируем. Ты, кстати, тоже не филонь давай. Пиши! Хоть про крыс. Кто знает, может именно твои крысы эстетически возбуждают нашего редактора до такой степени, что он наплюёт на конкурс и сразу сделает тебя своим замом.

Через две недели Татоша переступила порог их кафе в радостном предвкушении. Она залезла с ногами на диван, заказала кофе и принялась бесцельно разглядывать прохожих за окном. Она так погрузилась в свои мысли, что невольно вздрогнула, когда ее окликнул официант.

– Простите, Татьяна?

Она утвердительно кивнула головой.

– Вам конверт. Просили передать.

– Кто просил? – Татоша ошарашенно таращилась на парня.

– Откройте конверт, пожалуйста, – улыбнулся официант, – там все написано.

Татоша его послушалась. В конверте была записка и диск.

В записке значилось:

– Татоша! Мы выполнили твою просьбу. Тексты на диске. Твои Муха и Китти.

Таня третий час сидела на балконе, уставившись в одну точку. Она то ревела, то снова перебирала страницы текстов, которые она распечатала с диска из конверта. Ни Тимофей с уроками и грязной формой для каратэ, ни муж в ожидании ужина с недоуменно поднятой бровью не могли заставить ее сдвинуться с места.

Как она сказала там в кафе? Мы все друг о друге знаем?

Катька, когда, когда все это происходило с тобой? Может быть, когда вы с Польским уехали в его первую заграничную командировку? Ну, да, наверное. Сразу после окончания института. Мы все тогда как-то разбежались по жизни. Я была влюблена в своего академика. Мы с ним вообще безвылазно жили на их профессорской даче в ста километрах от Москвы. Муха родила второго. Мы же не виделись почти три года. А когда вы с Польским вернулись, ты была такая шикарная, лощёная, в модных шмотках, курила длинные сигареты с мундштуком и модно рассуждала о child free. Я помню, меня еще тогда покорило, когда ты сказала, что всем надо делать генетические тесты перед тем, как зачать, чтобы не плодить уродов. А Муха заплакала и два года с тобой не разговаривала. Китти, родная...

«Вся жизнь над асфальтом». Автор: Катерина Польская, сдуру согласившаяся помочь лучшей подруге.

«Яна вприпрыжку, насколько вприпрыжка вообще возможна с ее животом на восьмом месяце беременности, бежала из женской консультации и была влюблена во весь мир.

На самом деле она была влюблена в своего Мишку, мир так, присоседился за компанию.

А еще ученые мужи никак не разберутся, есть любовь с первого взгляда или нет. Ее бы спросили. Она-то точно знает, что есть. Еще как есть. Вот как увидела его, рубающим винегрет на кухне у своей крестной, так и поняла: он! Сколько не пыталась потом вспомнить, где и что там ёкнуло или оборвалось или увлажнилось, никак не выходило.

Любила, когда бродили по Москве, взявшись за руки, когда делали ремонт в ее маленькой квартирке, когда поехала за ним на Дальний Восток, бросив аспирантуру и перспективы, и сейчас любит.

Дочка (почему-то она была уверена, что у нее дочка, хотя ультразвук за всю беременность ей так ни разу не сделали) в животе пнула ее пяткой. И Яна покатила со смеху!

– Не ревнуй, дурочка! – с нежностью она погладила себя по животу. – Моей любви хватит на вас обоих. Девочка моя маленькая, ты будешь красавицей, умницей, точной копией твоего папы. Мы будем вместе ходить под парусом, кататься на лошадях, есть чернику прямо с куста и языки у нас будут синие-синие.

Тут Яна снова рассмеялась и совершенно счастливая раскинула руки, обнимая всю Землю и делясь с ней своим счастьем.

Ночью янин муж проснулся от того, что Яна встревоженно трясла его за плечо.

– Миша, вставай! У меня воды отошли. Много. Поехали в роддом. Мы рожаем.

– Яша, рано еще. Рано рожать. Нам через две недели рожать, – пробормотал Михаил, не просыпаясь.

– Мишка, да поднимайся ты уже. Или я рожу прямо тут, у тебя на коленках.

Яна очнулась в палате и инстинктивно схватилась за живот. Живота не было. Она попыталась привстать, ей это не удалось. От бессилия и от того, что она никак не могла вспомнить, что с ней происходило после того, как Мишка привез ее в роддом, она заплакала. Соседки по палате как-то попытались ее утешить, но это не очень помогло.

Потом пришёл врач, спросил, как она себя чувствует. На вопрос о дочери ответил уклончиво и даже, как показалось Яне, отвел глаза.

А потом начался ад. Яна, как в бреду, слушала что-то про тринадцатую хромосому, синдром патау, что ее девочка – генетическое отклонение и не проживет более трех месяцев.

Янина дочка умерла через месяц после рождения. Яне всего три раза разрешили взять ее на руки. И каждый раз, глядя в ее лунообразное личико, обезображенное заячьей губой, держась за лишний пальчик на ее ручке, Яна задавала Богу только один вопрос. Господи, за что? Этот ребенок – плод великой любви. Такой любви, какую ты, господи, и представить не можешь. Она – жданная, желанная, такая любимая. За что, Господи?

А потом Яна умерла. Нет, не физически. Она по-прежнему ела, ходила, спала, даже плакала. Но той, прежней Яны, не было.

Яна почти каждый день проводила на кладбище. Она сидела у могилы дочери до позднего вечера. Молча, уставившись в одну точку. Сначала Михаил ездил за ней, уговаривал, ругался, на руках уносил в машину. Потом перестал. Яна не заметила этого.

Однажды Михаил снова приехал за Яной на кладбище.

– Яна, родная моя, так больше продолжаться не может. Я не прошу забыть, это невозможно. Я прошу не хоронить себя заживо. Жизнь, как это ни банально звучит, продолжается. Ты же знаешь, этот синдром – не наследственное заболевание. У нас будут еще дети.

– Я перевязала трубы, Миша. У меня никогда больше не будет детей. – Яна была абсолютно спокойна, равнодушна и безучастна.

Михаил дернулся, как будто кто-то сильно ударил его по лицу, скривился, сделал несколько шагов в сторону, потом как будто вспомнил что-то, вернулся и до стал из кобуры табельное оружие.

– На, возьми, полоумная баба. Грохни меня, а потом и себя следом. Тебе же наплевать на меня, на мои чувства, на мою боль. На твоих родителей, которые состарились на тысячу лет, глядя на тебя. На твоих друзей, которым ты нужна, даже если тебе дико в это поверить. На, стреляй. И все. И больше ничего не будет. Никогда. А здесь, здесь у нас еще может что-нибудь получится. Над асфальтом.»

Муха, почему ты никогда не рассказывала, что училась в балетной школе? Мы же вечно восторгались твоей прямой спиной, невероятным подъемом и на спор заставляли тебя сесть на шпагат посреди ГУМа. Ты вечно отшучивалась, дескать, у тебя в роду были африканские обезьяны. И никогда не ходила с нами в Большой. Муха, Муха! И, правда, Кошкин твой – полный идиот.

«Вся жизнь над асфальтом». Автор: Мария Кошкина, такая же примерно дура, как Катерина Иванна Польская.

«Солнечный свет резко ударил в лицо, и Соня открыла глаза.

Медсестра, раздвинув занавески на окнах, с улыбкой и бодрым утренним приветствием в стиле «а кто у нас такой молодец сегодня» придвинула к сониной кровати столик с завтраком. Соня хмуро буркнула что-то невежливое в ответ и вернулась к своим воспоминаниям.

Вот она стоит у станка посередине зала и страшно гордится, что вчера ведьма МарьСергевна переставила ее из-за рояля сюда, поближе к центру. Примета верная, она на особом счету.

А вот она играет рядом с маминым роялем, еще не понимая, что укладывает любимую куклу спать под великого Чайковского.

Пти батман, гранд батман, плие, еще раз плие, деми плие... – О! У этой девочки лучший *entrechat* со времен Улановой! – Соня слышит скрипучий шепот сушеной дамы в буклях. Эта, в буклях, там самая главная в этой комиссии. Она решает, будет ли Соня танцевать на сцене Большого. Сцене, каждая половица которой Соне знакома лично.

У нее кружится голова от запаха кулис. И она верит, что если как следует помолиться богу театра, он обязательно поможет. И она не станет, конечно, двадцатым лебедем за третьим прудом. Она будет раскованной Эгиной, пластичной Никией. Или бешеной Китри. Она видит, как летит над паркетом, едва касаясь рук партнера, летит вопреки законам притяжения.

Вся сонина не очень длинная пятнадцатилетняя жизнь была связана с танцем, музыкой, положена на балетный алтарь. Состояла из ежедневных тренировок до кровавого пота и редких, но таких счастливых минут, когда их, учениц хореографического училища Большого

Театра, выпускали в каком-нибудь репертуарном спектакле. И почему, почему она не послала куда подальше этого идиота Кошкина с соседней дачи, когда он позвал ее кататься на мотоцикле.

В палату кто-то вошел. Соня лежала, отвернувшись к стене, и всем своим видом пыталась показать медсестре, что она не будет есть эту гадкую больничную еду. Тем более, что балерины не едят хлеб с маслом.

– Сонька, привет! Открой сомкнуты негой очи, – это была не медсестра, это был ее отец. Соня нехотя повернулась.

– Давай, моя принцесса, ешь и будем учиться ходить. Смотри что я тебе принес. – Папа выгасил из-за спины костыли.

Соня разревелась и заползла под одеяло.

Папа подошел к окну, постоял там какое-то время, а потом, не оборачиваясь к Соне, тихо заговорил.

– Видишь ли, девочка моя, жизнь – она очень большая и очень разная. Ты сейчас лежишь тут, пытаешься склеить свой маленький разбитый мирок и снова туда вернуться, и снова жить привычной тебе жизнью. Но так не бывает. Надо найти в себе силы и двигаться дальше. Поверь, просто поверь, что мир гораздо больше твоей балетной школы, твоих плие у станка и даже больше твоих заглавных партий в Жизели или Лебедином Озере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.